

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237797

УДК 811.161.1'373.47:83'374.4

ВАН Лили,

аспирант кафедры русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; пл. Свободы, 4, г. Харьков, 61022; тел.: +38 096 9680526; e-mail: lilychuqiji@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5599-942X

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА *ЛЕНЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ФОНЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ С КИТАЙСКИМИ ИЕРОГЛИФАМИ)

Аннотация. *Цель* исследования — рассмотреть историю слов-репрезентантов концепта *Лень*, проанализировать их внутреннюю форму и современные значения, а также сопоставить полученные данные с семантикой китайских иероглифов. *Объектом* исследования является семантика слов-репрезентантов концепта *Лень*. *Предметом* — внутренняя форма слов *лень*, *ленивый* и др. В работе использованы методы семантического, этимологического, сравнительного анализа. В *результате* сопоставительного исследования внутренней формы русских слов и китайских иероглифов в материале и русского, и китайского языков выявлены ключевые когнитивные признаки: 'лежать', 'спать', 'есть', — на базе которых был реконструирован исходный концепт-архетип. Внутренняя форма слов отражает результаты процесса познания, которые можно представить в виде когнитивного сценария: 'ленивый человек много лежит, долго спит, мало и медленно двигается, много ест и поэтому рассчитывает жить за счёт результатов труда других людей' Была выявлена специфика внутренней формы китайских иероглифов: она связана с пониманием *лени* как свойства, присущего женщинам. **Выводы.** В структуре современного китайского иероглифа исчез элемент «женщина». Исходный концепт-архетип реализуется в понятийных значениях русских слов *лень*, *ленивый*, *лентяй* и др.; образах персонажей русских сказок (былинного персонажа Ильи Муромца и сказочного персонажа Емели-дурака); литературном образе Ильи Обломова, получившем символическое значение. В китайской лингвокультуре, в отличие от русской, распространено типовое сравнение *ленивый как свинья*, а также образ получеловека-полусвиньи Чжу Бацзе, который стал символом лени, обжорства, трусости и бездеятельности. **Практическое применение** результатов исследования состоит в том, что оно может быть использовано при переводе русской художественной, философской или религиозной литературы на китайский язык.

Ключевые слова: лень, концепт, внутренняя форма, русский язык, китайский язык, сопоставление.

Сопоставительные лингвокультурологические исследования по своей гуманитарной сущности направлены на конструктивное понимание Другого, иной культуры. Иная ментальность — это оцениваемая со стороны система миропонимания. Миропонимание представляет собой сложный феномен, включающий представления, понятия, образы, ценности, стереотипы поведения. Миропонимание через язык фиксируется в языковой картине мира, а через концепты — многомерные ментальные образования — в концептосферах отдельных личностей и в концептосфере той или иной культуры, в пространстве которой существуют личности. Миропонимание в известной мере предопределено культурой, ее силовыми полями (культурными доминантами). Эти культурные доминанты находят отражение в языковом сознании и коммуникативном поведении и могут быть установлены специальными методами лингвистического анализа. На наш взгляд, к таким культурным доминантам относится концепт *Лень*.

Постановка проблемы. Универсальные идеи *лени* и *труда* являются ключевыми мировоззренческими идеями, которые для русского народа наполнены особым содержанием. В китайском языке и китайской культуре эти идеи имеют свое специфическое содержание. Осознание содержательных различий этих концептов особо значимо. Именно поэтому для нас важно осмыслить многоплановое содержание русского концепта.

Цель исследования — рассмотреть историю слов-репрезентантов концепта *Лень*, проанализировать их внутреннюю форму и современные значения, а также сопоставить полученные данные с семантикой китайских иероглифов. **Объектом** исследования является семантика слов-репрезентантов концепта *Лень*. **Предметом** — внутренняя форма слов *лень*, *ленивый* и др.

Связь с предыдущими и смежными исследованиями. Методологической основой исследования служит теория концепта и словесного знака, представленная в книге В. В. Колесова «Философия русского слова». В исследовании концепта ученый использует метод феноменологических редукций, в которых осмысление идет от конкретного вещного к абстрактно идеальному, от явления (феномена) понятия (*conceptus*) к сущности концепта (*concept*) [2]. Учитывая сложность этой теории, представим отдельные ее положения, которые являются для нас принципиально важными.

«Концепт есть сущность, явлением которой выступает понятие» [2, с. 404]. Как и всякая идеальная сущность, концепт нематериален и лишен структуры. Это сущность самого «тонкого уровня» и потому «незрима». Содержательные формы концепта, явленные в слове, суть аналитически представленный сам концепт, т. е. одновременно и явление сущности, и анализ сущности. Онтологическое и гносеологическое сливаются в самовыражении через семантическую глубину слова (знака).

Предмет изучения ментальности — не значение слова в контексте-синтагме, не значимость его в системе-парадигме, а смысл словесного знака в культурной парадигме-системе. А это предполагает

углубление в содержательные формы слова. «Концепт — не понятие, а сущность понятия, смысл, не обретший формы. Концепт — это сущность, явленная в своих содержательных формах — в образе, в понятии и в символе. Свернутая точка потенциальных смыслов. Концепт не имеет формы, ибо он сам и есть внутренняя форма слова, но вне материи...» [3, с. 13].

Концепт — «архетип культуры, первосмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности. Концепты также реальны, как реальные элементарные частицы, которых никто не видел, как гены, которые видят опосредованно. Опосредованно мы знаем и концепт, который явлен в содержательных формах: в образе, в понятии, в символе (...) Понятие — это в буквальном смысле *по-ят-ие* (схватывание разумом) соотношений, объективно существующих между образом и образным понятием (символом). Понятие недолговечно и постоянно изменяется. Образ концепта субъективно индивидуален, символ — достояние народной культуры, а понятие — категория логики — достояние всех вообще людей» [3, с. 14].

В теории В. В. Колесова история слов, обозначающих культурные концепты, отражает последовательное развитие русской ментальности. Ю. С. Степанов придерживается такого же мнения: история становления концепта может помочь пролить свет на содержание концепта. Исследователь выделяет три компонента концепта: основной, актуальный признак; «пассивный», исторический; внутреннюю форму, «обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [13, с. 44].

Изложение основного материала. В контексте задач нашего исследования особую значимость приобретает понятие внутренней формы слова, так как именно внутренней форме исследователи приписывают когнитивную функцию — функцию познания и толкования действительности [2, с. 28]. Идеи о когнитивной функции внутренней формы слова восходят к работе А. А. Потебни «Мысль и язык». Само выражение 'внутренняя форма' метафорично. А. А. Потебня воспользовался им для обозначения «отношения содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [7, с. 98]. Внутренняя форма — это след того мыслительного процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова [14, с. 59].

А. Ф. Журавлёв, Н. М. Шанский в ЭСРЯ отмечают, что существительное *лѣнь* — общеславянское, представлено во всех славянских языках: др.-рус. *лѣнь*; укр. *лїнь*; бел. *лень*; польск. *len'*; ст.-чеш. *le'n* («вялость, леность»); чеш. *líný* и др. [16, вып. 9, с. 57–58].

Задача установления внутренней формы лексемы *лень* требует обращения к этимологическим словарям. Н. М. Шанский выдвигает гипотезу: «существительное *лень* образовано, подобно *быль*, *зелень* и пр., с помощью темы -ь (<-i) от прилаг. *лѣнь* (совр. диал. *леной*) — «ленивый», как предполагают, того же корня, что и *лежать* (см.). Ср. диал. *лежень*, *лега* и т. п. слова со значением «ленивый» [15, с. 238]. В других этимологических словарях подобной интерпретации внутренней формы нет. С нашей точки зрения, в пользу высказанной Н. М. Шанским гипотезы можно привести следующие лингвистические доказательства.

Во-первых, семантика слова *лежебока* (восточнославянское: укр. *лежебока*, бел. диал. *лежэбка*, *лежабка*), образованного сложением на базе слов *лежать* и *бок*, ср. словосочетание *лежать на боку* «бездельничать» с другими производными от *лежать*, синонимичными этому слову — *леженка*, *лежень*, *лежняк*, отмечаемыми в Словаре АН 1847 г. (II, 249) и в Словаре Даля 1881 г. (II, 245). Впрочем, ЭССЯ прил. **ležebockъjъ* считает праслав. (ЭССЯ, XIV, 165) [16, вып. 9, с. 57–58].

Во-вторых, в этимологическом словаре О. Н. Трубачёва и словаре В. И. Даля приводятся диалектные слова *лѣнница* (влд.), *лѣнница* (прм.), *лѣно(у)ха*, *лѣнница* (влд., смл.), *лѣнушка* (твр., пск.) со значением «широкая лавка у печи, где лежат хворые», «печная лежанка, прилавок у печи для отдыха» [1, т. 2, с. 278; 17, т. 14, с. 205]. Семантика приведённых слов показывает концептуальную связь между внутренней формой — значением «лавка-лежанка у печи для отдыха, лежания» — и внешней формой — звучанием слов с корнем -*лен'*: *лѣнница*, *лѣнница*, *лѣно(у)ха*, *лѣнушка*. С нашей точки зрения, существует концептуальная связь между внешней и внутренней формой диалектных слов, а именно: поведенческие признаки *ленивого человека* концептуализированы как лежание, отдых, ничегонеделание. Внутренняя форма объясняет связь значения и звучания слова.

В-третьих, О. Н. Трубачёв приводит названия *лень-дуб* и *ленко* — кличка-характеристика лошади. Интересующий нас концептуальный признак положен в основу номинации. *Лень-дуб* — это вид дуба, поздно распускающегося. В названии *лень-дуб* также проявляется концептуальная связь внешней и внутренней формы слова, и посредством этого обнаруживается ассоциативная связь поздно распускающегося растения с поведенческими признаками *ленивого человека*, который всё делает медленно и никогда не спешит. В древнерусском имени *ленко* (м.р.) отражены характеристики лошади — медлительная, ленивая, вялая, похожая этими характеристиками на *ленивого человека* [17, т. 14, с. 206–207].

В-четвёртых, обращает на себя внимание аналогия между *ленью* и *сном*, *ленью* и *лежанием*, которые сравниваются в пословицах, приводимых В. Далем. Эти значения 'сонливый', 'медлительный' отражают представления о сродстве *лени* и *сна*, *лени* и *лежания*. Ср.: *Пришелъ сонъ изъ семи селъ, пришла и лѣнь изъ семи деревень; Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ; Ленивый сидя спитъ, лежа работаетъ* и др.

В парадоксальной по значению поговорке можно увидеть аналогию между *ленью* и *едой*, ср.: *Льнь льни и за ложку взяться, а не льнь льни обьдаться. Лень* употребляется и как предикативное наречие со значением «неохота за ложку взяться, зато охота обедать», и как субъект состояния — *кому лень*. Во втором случае это персонафицированный образ человека.

В-пятых, О. Н. Трубачёв пишет, что этимология слова *лень* не ясна, специально не рассматривалась в литературе. В словаре Даля северно-русское *лень* даётся как вариант названия *лнь* [1, т. 2, с. 278]. Исследователь предполагает, что оба слова **lenь* и **linь* связаны отношениями родства на основе чередования корневых гласных. С точки зрения О. Н. Трубачёва, словом **lenь* называлась разновидность рыбы из семейства карповых, главные признаки которой — это донная, малоподвижная. Именно эти признаки могли мотивировать образование икhtiологического термина от прилагательного **lenь(jь)* или **len'ь* ‘ленивый’ [17, т. 14, с. 206].

Названия блюд — *ленивая капуста*, *ленивые вареники*, *ленивые щи* — также, с нашей точки зрения, эксплицируют концептуальную связь внешней формы с внутренней — признаками «не нужно тратить много сил для приготовления этих блюд».

Таким образом, внутренняя форма — исходный семантический признак — связана с когнитивными признаками: ‘лежать’, ‘отдыхать’, ‘спать (сон, сонливый)’ и поэтому ‘не работать, бездельничать’. Все выделенные когнитивные признаки являются результатом познания носителями русского языка типового поведения *ленивого человека* в прототипической ситуации, описываемой с помощью глагольных предикатов ‘ленивый человек предпочитает лежать, отдыхать, спать’.

Далее покажем, что внутренняя форма индуцирует развитие разных значений полисемантических слов, т. е. внутренняя форма связана как с этимологией слова, так и со структурой его многозначности в диахронии и синхронии. Разные значения как будто бы произрастают из внутренней формы слова, исходный концепт-архетип по-разному просвечивает в каждом значении той или иной смысловой гранью.

На связь формы и содержания в развитии концепта обращает внимание В. В. Колесов. Словарь русского языка XI–XVII вв. прилагательному *ленивый* приписывает значения: 1. ‘ленивый, нерадивый’, 2. ‘медлительный, нерешительный, боязливый’, 3. ‘вялый, тупой’ [9, вып. 8, с. 204]. Как видно из приведённых словарных данных, первое выделяемое значение — ‘ленивый, нерадивый’ — является ядром понятийной семантики. Сам факт такого расположения свидетельствует о доминировавших в то время религиозных представлениях, связанных с моральными требованиями *трудиться, проявлять усердие, радеть за дело*. В словаре старославянского языка находим лексемы *лѣнь, лѣнѣ, лѣность, лѣность, лѣности, лѣности ся, лѣнивѣ*, среди которых есть архаизмы (*лѣнѣ, лѣностьнѣ, лѣностивѣ, лѣности ся*) [10, т. 2, с. 151–152].

В христианской парадигме *лень* — безусловно отрицательное качество личности, порок, который включён в «список семи смертных грехов». Сравните библейские стихи: *Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод* (Притчи 19: 15); *Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего? Немного постишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник* (Притчи 6: 6–11).

Общественно-политическая, этико-социальная оценка *Лени* также отрицательная. Этический кодекс человечества однозначно негативно отвечает на вопрос о нравственной оценки *Лени*. Аксиологическое содержание представлено в оппозиции *труд — лень; трудолюбивый человек — ленивый человек*. Трудолюбие, бодрствование, делание — это добродетель, *лень, леность* — порок. Такое утверждение является универсальной культурной установкой. В русском устном фольклоре такая позиция подтверждена множеством пословиц и поговорок, осуждающих *лень* и одобряющих *трудолюбие*. Ср.: *Кто не работает, тот не ест; Труд кормит, а лень портит; Без труда не вытянешь и рыбку из пруда; Делу время, потехе час; Терпение и труд все перетрут* и т. д.

Помимо значения ‘ленивый, нерадивый’, в словаре русского языка XI – XVII вв. выделены еще два значения слова *ленивый*: ‘медлительный, нерешительный, боязливый’ и ‘вялый, тупой’. Сходная картина значений представлена и в историческом словаре И. И. Срезневского. Первое из выделяемых значений слова *лень* — «неохота работать, отвращенье отъ труда, отъ дела, отъ занятій наклонность къ праздности, къ тунеядству» — стало базой соответствующего понятия как универсального мыслительного феномена.

В. В. Колесов пишет о том, что концепт развивается, постоянно изменяя форму своего воплощения и последовательно проявляясь в образе, в понятии, в символе. Проведённый анализ позволяет утверждать, что когнитивные признаки ‘лежать’, ‘отдыхать’, ‘не работать’ становятся фундаментом современного понятийного значения слов, которое сформулировано в толковых словарях следующим образом: 1. Существительное имеет значение ‘отсутствие желания работать, делать что-либо’, например, *побороть в себе лень*; 2. Предикативное наречие употребляется в значении сказуемого (разг.) ‘не хочется, неохота’, например, *мне лень идти* [6, с. 284].

Когнитивные признаки ‘спать, сон, сонливый’ реализованы в значениях современных слов-репрезентантов: ‘состояние вялости, сонливости’, например: *Непостижимая лень овладела всеми*

чувствами его; хотел рисовать — кисти выпадали из рук (Лермонтов). Ср. также второе значение прилагательного *ленивый* — ‘выражающий лень, вялый, медлительный’, например, *ленивый вид* [8, т. 2, с. 175].

И. Б. Левонтина пишет о трех разных типах состояний, концептуализированных в семантике предикативных наречий *лень* и *неохота*. «Во-первых, речь может идти о некотором состоянии тела: о физической расслабленности, истоме или оцепенении (...) Когда человеком овладевает *лень* такого рода, это обычно видно со стороны». [4, с. 106–107]. Человеку, который засыпает или еще не проснулся, *лень* совершать какие-либо физические движения. Если ему и приходится их совершать, то они *медлительны, ленивы*. «Во втором случае речь идёт скорее об определённом душевном состоянии — параличе воли, когда человек не может собраться и побудить себя приступить к какому-то действию» [4, с. 106–107].

Третий случай — это значения слов *лень* и *неохота*, в которых концептуализирована некая рациональная установка, нежелание человека выполнять бессмысленные действия, тратить силы впустую. В русском языке есть фразеологизм *Не лень тебе делать что-либо?* — ‘зачем, с какой стати делать что-либо’. В пресуппозиции этого выражения находится смысл ‘тебе должно быть лень выполнять ненужное действие’. И. Б. Левонтина отмечает, что «немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно» [4, с. 112].

Одна из задач предпринимаемого исследования состоит в том, чтобы показать концептуальную связь между внутренней формой — когнитивным признаком ‘лежать’ — и образами персонажей народных русских сказок и классической литературы. Наиболее ярко эта связь проявляется в следующих образах: героя былинного эпоса, богатыря, народного защитника, воплощающего народный идеал, Ильи Муромца, пролежавшего на печи 33 года; персонажа сказки «По щучьему веленью» Емели-дурака, лежавшего всё время на печи, и др.

Исследователи русской литературы отмечают, что образ Ильи Обломова не только обобщает некоторые черты национального русского характера (*лень* и *мечтательность*), но постепенно трансформировался в символ русского человека («вообще» [5, с. 152–169].

Сопоставим внутреннюю форму русских слов-репрезентантов концепта *Лень* с внутренней формой соответствующих китайских иероглифов. В китайской лингвистике концептологическое изучение языка является весьма перспективным, поскольку по способу языкового обозначения в китайском языке концепты детально зафиксированы в идеографических иероглифах. Иероглиф по своей сути является иконическим знаком и наглядно представляет внутреннюю форму как исходный концепт-архетип. Характер иероглифического письма отражает национально-культурную специфику мировидения китайцев как целостного, прямого и практического отражения реальности в сознании.

Современный иероглиф 懒 (*lan*) берет свое начало от древнего иероглифа 嬾 (*lan*) в письменах «Сяочжуань» — вид древнекитайской письменности в период династии Цинь (221–207 до н. э.). Согласно дефиниции, приводимой в этимологическом словаре «Shuo wen Jie zi» (самом раннем из сохранившихся словарей), иероглиф 嬾 (*lan*) имеет следующие значения: 1. ‘Инерция, пассивность’; 2. ‘Кто-то не работает, а весь день проводит лежа и / или лежит и ест’.

В период Троецарствия (220–280 г.) на диалекте Ючжоу 嬾 (*lan*) имел значение ‘ленивая женщина’. В книге «Maо shi cao tu niao shou yu shu» находим классический текст: *Сверчки, рожденные ранней осенью, кричат от холода и побуждают женщин ткать ткань и шить теплую, зимнюю одежду. Ленивая женщина слышит звук сверчков, у нее есть ткацкий станок, но нет желания работать, и поэтому не будет теплой одежды, соответственно, она боится наступления зимы.*

В книге «Tang yun» автора Сунь Мян (династия Тан 732 г. н. э.) также обнаруживается идея — ‘женщины ленивые’. В словаре «Kang xi zi dian» (династия Цинь 1716 г. н. э.) приводятся значения: 1. ‘Кто-то не работает, а весь день проводит лежа’; 2. ‘Женщины ленивы’.

Во времена династии Тан иероглиф 嬾 (*lan*) сменился на 懒 (*lan*). В этом составном иероглифе меняется левый элемент 女 (*ni*) ‘женщина’ на 心 (*xin*) ‘сердце’. Правый элемент 赖 (*lai*) обозначает ‘зависимость одного человека от другого’, т. е. ленивый человек надеется, что кто-то другой, трудолюбивый, обеспечит его всем необходимым для жизни. В китайском языке *сердце* символизирует внутренний мир человека — мысли, эмоции. Это изменение означает, что *лень* имеет отношение к характеру человека, образу мысли, стилю жизни. Концепт *Лень* 懒 (*lan*) перестал связываться с женщиной, женской домашней работой, воспитанием детей и т. д. В современном иероглифе 懒 (*lan*) уже не содержит отсылки к женщине, так как изменилось понимание того, что такое *лень, ленивый* человек. В современном китайском языке концепт *Лень* репрезентируется одним иероглифом 懒 (*lan*) или двумя иероглифами 懒惰 (*lan duo*).

Современный китайский словарь «Xian dai han yu ci dian» даёт такие определения значения иероглифа 懒 (*lan*) в следующих сочетаниях с другими иероглифами: 1. 懒惰 (*lan duo*) — ‘ленивый’; 与“勤”相对 (*yu “qin” xiang dui*) — ‘не трудолюбивый’. Например: 好吃懒做 (*hao chi lan zuo*) — ‘любить поесть и лениться работать’. 2. 疲倦, 没力气 (*pi juan; mei li qi*) — ‘усталый, утомлённый, обессиленный, когда в теле нет силы’. Например: 身子发懒 (*shen zi fa lan*) ‘тело ленивое’ [18, с. 777].

«Xin hua zi dian» выделяет еще одно значение: 厌烦, 不愿意 (*yan fan, bu yuan yi*) ‘кому-либо надоело делать что-либо или кто-либо не желает делать что-либо’. Например: *Кто-то слишком ленив,*

чтобы обращать внимание на кого-либо. 懒惰 (lan duo) в этом словаре определяется как ‘не любящий трудиться’ [19, с. 285].

Исходя из словарных данных, можно сделать вывод о том, что содержание китайского иероглифа 懒 (lan) и значения русского слова *лень* частично совпадают. 懒 (lan) обозначает и психологическое отсутствие желаний работать, делать что-либо, и физическое состояние вялости, сонливости, апатии.

С нашей точки зрения, рассматриваемые факты древнего (и современного) китайского языка свидетельствуют об оппозиции концептов *Мужчина* и *Женщина*, отражают закреплённые в культуре и в структуре китайских иероглифов оценки «уважение к мужчине» и «презрение к женщине». В древности женщины полностью зависели от мужчин в материальном отношении. Женщины занимались домашней работой: уборкой, стиркой, приготовлением пищи, воспитанием детей. Их работа считалась более легкой, менее ценной, чем та, которую выполняли мужчины. Благодаря своим физическим преимуществам — силе, выносливости — мужчины были основными предпринимателями в сельскохозяйственной деятельности, в то время как женщины не могли выполнять тяжёлые сельскохозяйственные работы, поэтому мужчины считали женщин *ленивыми*.

В одном из четырёх классических китайских романов — «Путешествие на Запад» (Xi you ji), опубликованном в 1590-е годы, — создан комический образ получеловека-полусвиньи Чжу Бацзе, который стал символом лени, обжорства, трусости и бездеятельности. Характерные черты Чжу Бацзе — это лень, жадность к еде, любовь ко сну и женолюбие.

В китайском языке есть фразеологизм 懒猪 (букв. *ленивая свинья*) — *ленивый как свинья*, т. е. *ленивый человек* ассоциируется со свиньёй, которая после еды сразу ложится спать. В русском языке отсутствует образ свиньи применительно к *ленивому человеку*.

Перспективы дальнейших исследований. В заключение хотим подчеркнуть, что любая языковая картина мира одновременно и универсальна, и национально-специфична, однако для сознания ее носителей она представляется не как интерпретация объективной действительности, а как двойник мира. Чтобы осознать национальную специфику, т. е. перевести интуитивный процесс на уровень рационального осознания, необходимо сопоставить родную лингвокультуру с данными иной лингвокультуры.

Выводы. Сопоставление фактов русского и китайского языков позволило выявить сходства и различия между ними. Анализ позволяет выявить относительно стабильное ядро исследуемых концептов, которое связано с универсальными человеческими ценностями, определяемыми социальной природой человека, и исторически изменчивую периферию, обусловленную различными культурно-историческими факторами. В материале и русского, и китайского языков выделяются ключевые (повторяющиеся) когнитивные признаки: ‘лежать’, ‘спать’, ‘есть’, — на базе которых мы реконструировали исходный концепт-архетип.

Внутренняя форма слов-репрезентантов концепта *Лень* в русском языке отражает результаты процесса познания, которые можно схематично отразить в когнитивном сценарии: ‘ленивый человек много лежит, долго спит, мало и медленно двигается, много ест, и поэтому рассчитывает жить за счёт результатов труда других людей’.

Специфика внутренней формы, иконически запечатлённой в китайских иероглифах, связана с пониманием *лени* как свойства, присущего женщинам. Сопоставление исторических и современных иероглифов показывает, что актуальный слой семантики концепта тесно взаимосвязан с исторической эпохой и принципиально изменчив, что отражается в архаизации значений: в структуре современного китайского иероглифа исчез элемент «женщина».

Исходный концепт-архетип реализуется в трёх основных ипостасях: в понятийных значениях русских слов-репрезентантов *лень*, *ленивый*, *лентяй* и др.; образах персонажей русских сказок (былинного персонажа Ильи Муромца и сказочного персонажа Емели-дурака), литературном образе Ильи Обломова, получившем символическое значение главного ленивца русской культуры. В китайской лингвокультуре, в отличие от русской, обнаруживается типовое сравнение *ленивый как свинья*, а также образ получеловека-полусвиньи Чжу Бацзе, который стал символом лени, обжорства, трусости и бездеятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 2 : И-О. 780 с.
2. Колесов В. В. Философия русского слова. Санкт-Петербург : ЮНА, 2002. 448 с.
3. Колесов В. В. Основная единица ментальности: концепт. *Проблемы преподавания русского языка в высших учебных заведениях стран СНГ и Балтии. Материалы международного научно-практического семинара.* Санкт-Петербург, 2005. С. 10–18.
4. Левонтина И. Б. Homo piger. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке.* Москва : Индрик, 1999. С. 105–113.
5. Лихоманов И. В. Восточный халат Ильи Ильича Обломова и метафизика «обломовщины». *Идеи и идеалы.* Новосибирск : НГТУ, 2018. № 3. С. 152–169.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. Москва : Русский язык, 1986. 797 с.
7. Потебня А. А. *Слово и миф.* Москва : Изд-во «Правда», 1989. 624 с.

8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 2. 736 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 25 т. Москва : АН СССР, Ин-т русского языка, 1978–2000. Вып. 8. 1981. 353 с.
10. Словарь старославянского языка : репр. изд.: в 4 т. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 2. 648 с.
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. Санкт-Петербург : Тип. ИАН, 1893–1903. Т. 2. 1902. 1803 с.
12. Степанов Е. Н., Ма Синьюэ. Русская и китайская «гардеробная» фразеология: лингвокультурологический и сопоставительный аспекты. *Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса : Астропринт, 2020. № 34. С. 67–75. DOI : 10.18524/2307–4558.2020.34.219519.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
14. Чернцова Е. В. Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, девербатива *кажимость*, парентезы *кажется*) : монография. Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2019. 428 с.
15. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : Пособие для учителей. Москва : Просвещение, 1975. 543 с.
16. Этимологический словарь русского языка / под общ. ред. А. Ф. Журавлёва, Н. М. Шанского. Москва : Изд-во МГУ, 1999. Вып. 9. 240 с.
17. Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд / под ред. акад. О. Н. Трубачёва. Москва : Наука, 1987. Вып. 14. 268 с.
18. 《现代汉语词典》第7版, 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 商务印书馆, 2016. 1897 с. (Словарь современного китайского языка. Пекин : Ин-т лингвистики Китайской Академии социальных наук. Коммерческое изд-во, 2016. Верс. 7. 1897 с.)
19. 《新华词典》第11版, 北京: 商务印书馆, 2012. 956 с. (Словарь Синь хуа . Пекин : Коммерческое изд-во, 2012. Верс. 11. 956 с.)

References

1. Dal, V. I. (1955), *Explanatory dictionary of the living Great Russian language* : in 4 volumes [Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka], State Ed. foreign and nat. Dictionaries, Moscow, mol. 2 : И-О, 780 p.
2. Kolesov, V. V. (2002), *Philosophy of the Russian word [Filosofiya russkogo slova]*, YuNA, St. Petersburg, 448 p.
3. Kolesov, V. V. (2005), “The basic units of mentality are concepts”, *Problems of teaching the Russian language in higher educational institutions of the CIS and Baltic countries. Materials of an international scientific and practical seminar* [“Osnovnaya yedinita mental'nosti : kontsept”, *Problemy prepodavaniya russkogo yazyka v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh stran SNG i Balti*], St. Petersburg, pp. 10–18.
4. Levontina, I. B. (1999), Homo piger. *Logical analysis of language. The image of a person in culture and language [Homo piger. Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke]*, Moscow, Publishing house “Indrik”, pp. 105–113.
5. Likhomanov, I. V. (2018), “Eastern robe Ilya Ilyich Oblomov and the metaphysics of “Oblomovism””, *Ideas and ideals* [“Vostochnyy khalat Il'i I'icha Oblomova i metafizika «oblomovshchiny»”, *Idei i idealy*], Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, No. 3. pp. 152–169.
6. Ozhegov, S. I. (1986), *Dictionary of the Russian language* : 57 000 words [Slovar' russkogo yazyka : ok. 57 000 slov], Russkiy yazyk Publishing house, Moscow, 797 p.
7. Potebnaya, A. A. (1989), *Word and myth [Slovo i mif]*, Moscow, Pravda Publ. House, 624 p.
8. Evgenieva, A. P. (1981–1984), *Dictionary of the Russian language* : in 4 volumes [Slovar' russkogo yazyka], Russkiy yazyk Publishing house, Moscow, vol. 2, 736 p.
9. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries* : in 25 volumes (1981) [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.], Moscow, Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian language, 1978–2000, Issue 8, 353 p.
10. *Dictionary of the Old Church Slavonic language* : in 4 volumes (2006) [Slovar' staroslav'yanskogo yazyka : v 4 t.], Publishing house of St. Petersburg University, St. Petersburg, vol. 2, 648 p.
11. Sreznevsky, I. I. (1902), *Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written monuments* : in 3 volumes [Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam : v 3 t.], Printing House of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, 1893–1903, vol. 2, 1803 p.
12. Stepanov, Ie. N., Ma, Xinyue (2020), “Russian and Chinese “Garment” phraseology : *Mova / Language* [“Russkaya i kitayskaya “garderobnaya” frazeologiya : lingvokulturologicheskiy i sopostavitel'nyy aspekty”, *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 34, pp. 67–75. DOI : 10.18524/2307–4558.2020.34.219519.
13. Stepanov, Yu S. (1997), *Constants. Dictionary of Russian culture : Research experience [Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury : opyt issledovaniya]*, School “Languages of Russian Culture”, Moscow, 824 p.
14. Chermtsova, E. V. (2019), *Discourse variation of word cognitive semantics : the experience of integral research (based on verbal predicates казаться, показаться, deverbative кажимость, parenthesis кажется)* : monograph [Diskursivnoye var'irovaniye kognitivnoy semantiki slova: opyt integral'nogo issledovaniya...], Karazin Kharkiv National University Press, Kharkov, 428 p.
15. Shansky, N. M. (1975), *Brief etymological dictionary of the Russian language* : A guide for teachers [Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : posobie dlya uchiteley], Prosveshchenie Publishing house, Moscow, 543 p.
16. Zhuravlev, A. F., Shanskiy, N. M. (1999), *Etymological dictionary of the Russian language [Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka]*, Moscow State University Publishing House, Moscow, issue 9, 240 p.
17. Trubachev, O. N. (1987), *Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund [Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov : Praslavyanskiy leksicheskiy fond]*, Nauka, Moscow, issue 14, 268 p.
18. *Dictionary of the modern Chinese language* (2016), Beijing, Ed. edition of the Dictionary of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences, Commercial Publishing House, Vers 7, 1897 p.
19. *Dictionary of Xin Hua* (2012), Beijing, Commercial Publishing House, Vers. 11, 956 p.

ВАН Лілі,

аспірантка кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; площа Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна; tel.: +38 096 9680526; e-mail: lilychuqiji@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5599-942X

ВНУТРІШНЯ ФОРМА СЛІВ-РЕПРЕЗЕНТАНТІВ КОНЦЕПТУ *ЛІНЬ* У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ (НА ТЛІ ЗІСТАВЛЕННЯ З КИТАЙСЬКИМИ ІЄРОГЛІФАМИ)

Анотація. *Мета* дослідження — розглянути історію слів-репрезентантів концепту *Лінь*, проаналізувати їх внутрішню форму і сучасні значення, а також зіставити отримані дані з семантикою китайських ієрогліфів. *Об'єктом* дослідження є семантика слів-репрезентантів концепту *Лінь*. *Предметом* — внутрішня форма слів *лень*, *ленивий* та ін. У роботі використані методи семантичного, етимологічних, порівняльного аналізу. *Результат* порівняльного дослідження внутрішньої форми російських слів і китайських ієрогліфів: в матеріалі і російської, і китайської мови виявлені ключові когнітивні ознаки 'лежати', 'спати', 'їсти', на базі яких був реконструйований вихідний концепт-архетип. Внутрішня форма слів відображає результати процесу пізнання, які можна представити у вигляді когнітивного сценарію: 'лінива людина багато лежить, довго спить, мало і повільно рухається, багато їсть, і тому розраховує жити за рахунок результатів праці інших людей'. Була виявлена специфіка внутрішньої форми китайських ієрогліфів: вона пов'язана з розумінням *ліні* як ознаки, властивій жінкам. У структурі сучасного китайського ієрогліфа зник елемент «жінка». Вихідний концепт-архетип реалізується в понятійних значеннях російських слів *лень*, *ленивий*, *лентяй* та ін.; образах персонажів російських казок (билинного персонажа Іллі Муромця та казкового персонажа Ёмелі-дурня), літературному образі Іллі Обломова, який прийняв символічне значення. У китайській лінгвокультурі, на відміну від російської, поширене типове порівняння *ледачий як свиня*, а також образ напівлюдини-напівсвині Чжу Бацзе, який став символом ліні, ненажерливості, богузтва і бездіяльності. *Практичне застосування* результатів дослідження полягає в тому, що воно може бути використано для перекладу російської художньої, філософської або релігійної літератури на китайську мову.

Ключові слова: лінь, концепт, внутрішня форма, російська мова, китайська мова, зіставлення.

Lili WANG,

Doctoral student of the Russian Language Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; 4 Freedom Square 4, Kharkiv, 61022, Ukraine; tel.: +38 096 9680526; e-mail: lilychuqiji@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5599-942X

THE INNER FORM OF WORDS REPRESENTING THE CONCEPT *LAZINESS* IN RUSSIAN AS JUXTAPOSED WITH CHINESE CHARACTERS

Summary. The *purpose* of the research is to consider the history of words representing the concept *LAZINESS*, to analyze their inner form and modern meanings, and also to compare the obtained data with the semantics of Chinese characters. The *object* of the research is the semantics of words representing the concept *LAZINESS*. The *subject* is the inner form of words *лень*, *ленивый*, etc. The work uses the methods of semantic, etymological, comparative analysis. The comparative study of the internal form of Russian words and Chinese characters *resulted* in detecting their key cognitive features for both languages — 'to lie', 'to sleep', 'to eat' — to reconstruct the original archetypal concept. The inner form of the words reflects the results of the cognition process, which can be reflected in the cognitive scenario: 'a lazy person is always in their bed, sleeps for a long time, never moves a lot nor fast, eats a lot, and therefore expects to live off the fruits of the work the other people do'. The specificity of the inner form of Chinese characters was revealed to be associated with the understanding of *laziness* as a property inherent in women. The radical 'woman' disappeared from the structure of the modern Chinese character. The original archetypal concept is realized in the conceptual meanings of the Russian words *лень* 'laziness', *ленивый* 'lazy', *лентяй* 'lazy person', etc.; in the protagonists of Russian fairy tales (the epic Ilya Muromets and the fabulous of Emelya the Fool); the literary protagonist Ilya Oblovov, which got a symbolic meaning. In contrast to the Russian linguoculture, the Chinese widely use the comparison 'lazy as a pig', and have the half-man half-pig Zhu Baze to symbolize laziness, gluttony, cowardice, and inactivity. The research results can be *practically applied* to translating Russian fiction, philosophical or religious literature into Chinese.

Key words: lazy, concept, inner form, Russian language, Chinese language, juxtaposition.

Статтю отримано 27.04.2021 р.